

Марина Бойкова-Гальяни

ПРАВДА ОТТО
ФРИМАНА

Фантастические рассказы

Марина Бойкова-Гальяни

**Правда Отто Фримана.
Фантастические рассказы**

«Издательские решения»

Бойкова-Гальяни М.

Правда Отто Фримана. Фантастические рассказы / М. Бойкова-Гальяни — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-509134-5

Сборник фантастических рассказов талантливой писательницы и поэтессы Марины Бойковой-Гальяни, автора романов «Взорванный город» (триллер), «Прощание с Аэлитой» (любовный роман) и «Звезда астронавта» — первой книги цикла «Голубая планета». Лёгкость повествования, захватывающий сюжет, яркие личности и нешуточные страсти — не оставят читателей равнодушными к судьбе полюбившихся героев.

ISBN 978-5-00-509134-5

© Бойкова-Гальяни М.
© Издательские решения

Содержание

Дом на Невском	6
Правда Отто Фримана	8
Последствия большого взрыва	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Правда Отто Фримана Фантастические рассказы

Марина Бойкова-Гальяни

© Марина Бойкова-Гальяни, 2019

ISBN 978-5-0050-9134-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Дом на Невском

Мистический рассказ

Думаю, каждому приходилось примерять на себя роль психотерапевта. Особенно, это касается любителей путешествовать поездами и теплоходами. Пригородные электрички тоже не исключение.

Я, как владелица загородного дома, постоянно катаюсь по маршруту Санкт-Петербург — деревня. Конечно, у деревни есть название, что не имеет значения в моём повествовании. Сразу оговорюсь, не часто развлекаюсь беседами с незнакомыми людьми. Но, бывает. Иногда повествования изобилуют увлекательными историями. Но жанр «бытовуха» лидирует, занимая абсолютно недостижимую позицию. Тем не менее, однажды, довелось услышать нечто фантастическое.

Попутчицей была женщина средних лет и такой же ухоженности. В вагоне сидело всего несколько человек, а за окном мелькали зимние пейзажи, что неминуемо усыпляло пассажиров. Дама заняла место напротив меня в районе метро «Обухово», вежливо поздоровавшись.

— Далеко едете? — последовал вопрос.

— Почти до конца, — улыбнулась я, давая понять, что не против милого общения.

— Есть люди, не верящие в очевидные факты, а есть, те, кто готов поверить в явную фальсификацию. То, чем хочу поделиться, событие, участницей коего стала. Мне приписывают буйную фантазию, сны, похожие на явь и просто выдумку с целью удивить и привлечь внимание.

Я усмехнулась:

— Знаете, со мной не раз случалось необъяснимое, но свои тайны открываю буквально двум-трем людям, которые не станут крутить пальцем у виска. То, что не объясняется наукой, существует, и не надо доказывать.

— Это было в восьмидесятых. Издательство, где я работала, находилось на Невском проспекте. Чтобы в него попасть, нужно пройти через сквозную парадную во двор-колодец. Двухэтажный флигель, вывеска над дверью, три ступеньки вверх. Заказчики в коридорах, сотрудники в отделах.

В тот день старомодная пожилая дама, пахнувшая нафталином, долго сидела в кабинете директора, и в нашу, редакционную группу уже не раз заглядывала Аллочка-секретарша, делая круглые глаза:

— Представляете, третий час сидит! Мне бумаги подписать, а шеф настрого приказал, не беспокоить.

— Бумаги даже не подписывает?

— Ужас, ужас!

И дернул меня чёрт, не железная, выйти в коридор именно в момент, когда кабинет директора открылся, а сам, покрасневший, склонился над костлявой ручкой гостьи, расшаркиваясь, бормоча, типа, ваша светлость (если не ослышалась при стопроцентном слухе).

— А вот и наш редактор, кстати! Татьяна Ивановна, голубушка! — это шеф мне.

— Да, Серафим Маркович?

— Соболаговолите, дорогуша, проводить княгиню на самый, что ни на есть Невский проспект, им желательно посетить Дом Книги. Заодно с книгами подсобите. На работу сегодня не возвращайтесь!

Конечно, я выпала в осадок, но виду не подаю, дескать, не привыкать общаться с царственными особами простому советскому редактору.

— Присядьте, дорогая! Нашему редактору собраться нужно, попудрить носик, одеться.

Нафталиновая дама, подобрав подол, опустилась в одно из кресел, стоящих в холле.

Минут через десять мы вышли из здания редакции. Всё, как обычно: справа помойка, прямо – большой двор с газоном, обнесённым низкой чугунной оградой и асфальтовой дорожкой, ведущей в подъезд.

С пассивностью стороннего наблюдателя вижу, как изменилась сквозная проходная, где ничего, кроме отопительных батарей под фанерной обшивкой не было: дверь на Невский, узкий проход, дверь во двор. Теперь здесь широкий холл и старинный лифт, возле которого инвалид в коляске. Инвалид, не отрываясь, многозначительно глядит на меня.

Пройдя через холл, выходим на улицу. А где княгиня? Вместо Невского проспекта большой двор, а вокруг высотные дома. Я обратным ходом за их светлостью. Возле лифта, по-прежнему инвалид в коляске. На мой вопрос о пожилой княгине качает головой, мол, никого не видел. И выхожу не во двор моей работы, а туда, откуда вошла, только что. Мимо идёт молодая пара с ребёнком.

– Скажите, как выйти на Невский проспект?

– Здесь нет Невского проспекта.

– Хорошо, где я?

– Спросите у кого-нибудь другого.

– Чёрт, чёрт, поиграй и верни меня обратно, — в отчаянии кричу, рыдая. И вижу княгиню.

– Ваша светлость, где мы? Где Дом Книги?

Старая дама задумчиво качает головой:

– Говорят в одну реку не войти дважды. Особенно, если это Стикс, — оставив меня, остоленевшую, скрывается в проходной.

Я — следом. У лифта мальчик лет семи жмет кнопку:

– Я на второй, а вы?

– И я. Не видел старую даму?

– Видел. Она уехала на второй.

Со страшным грохотом подходит лифт. Я бы не рискнула садиться в дырявое корыто, но действую, как в трансе.

Мы с мальчиком выходим опять в тот же двор.

– Портал в третье измерение! — неожиданно восклицаю первое, что пришло на ум.

В одну реку не войти дважды. Княгиня не договорила. И вдруг, разгадка: она дважды вошла в воды Стикса.

Разворачиваюсь, и ни минуты не сомневаясь, опять вхожу в дверь парадной. У лифта снова инвалид, повернувший ко мне перекошенное страшное лицо. Но мне мимо.

И даже не удивляюсь знакомому флигелю.

Правда Отто Фримана Фантастический рассказ

Ранним вечером дверь одного из выстроенных в ряд коттеджей, отворилась, плотный тридцатилетний мужчина в бежевых брюках и белой рубашке с короткими рукавами, сердито выкрикнул что-то вглубь дома, и с грохотом хлопнув дверью, прошептал тихое ругательство. Губы зло искривились. Отто Фриман, профессор истории и этнографии, постоянно ругался с женой и причиной их ругани был сын Дэвид.

Спешно отойдя на несколько десятков шагов, профессор резко замедлил шаг, и, сделав глубокий вдох, огляделся вокруг. Дул слабый ветерок, тихо играя листвой деревьев, а по бледно-голубому небу плыли мелкие облачка, подобно детским бумажным корабликам в бассейне. Мужчина вышел на аллею и присел на скамейку. До начала лекций у него было минут сорок, а идти недалеко. Мимо него прогуливались молодые, загорелые люди; некоторые с детьми. Отто Фриман удовлетворенно хмыкнул: не любил стариков и калек, они оскорбляли его чувство гордости за страну. Ровно шесть лет назад, в такой же теплый августовский день он пришел в Общество, мучимый любопытством, толкаемый чувством безысходности. У Отто могла быть нормальная семья, здоровые дети, но родился первенец с болезнью Дауна... и рухнули надежды на счастье! Жена Магда отдавала больному сыну все силы, любила самоотверженно и безоглядно, а его жизнь, казалось, закончилась. Тем временем в стране появилось общество, пропагандировавшее принципы естественного отбора, которое крепло и ширилось с каждым днем. Магда возмущалась тем, что люди шли туда, а потом взахлеб рассказывали о новом подходе к старым проблемам перенаселения. «Общество подонков и убийц», – говорила она, тем самым пробуждая всё сильнее интерес мужа. Сыну Дэвиду минуло четыре года, когда Отто, наконец, решился переступить порог дома, в котором шли собрания. В то время партия рационалистов уже имела несколько кресел в Правительственной Думе. Сказать, что он сразу проникся идеями Общества? Нет, он был возмущен, и даже дал себе слово больше никогда не ходить на собрания. Шли дни, которые почти похоронили его в безысходности, Отто перестал следить за собой, пристрастился к спиртному и стал подумывать о самоубийстве. И однажды, когда в очередной раз напивался в баре, к нему подсел человек лет сорока и заговорил об обществе. На следующий день, Отто привел себя в порядок, чисто побрился, надел строгий костюм и явился на собрание. Его встретили как брата, захотелось быть с этими людьми для того только (как он говорил себе), чтобы защитить сына. Отто Фриман вступил в партию.

За шесть лет его работы партия заняла большинство мест в Думе, а в позапрошлом году стала правящей в стране, победив на президентских выборах. Сам Отто не занимался чистками, да от него и не требовали грязной работы – это делали рядовые чистильщики. Отто занимался пропагандой, вел занятия по истории Спарты и общался с новичками. Теперь его не возмущала деятельность партии, напротив, он разделял принципы естественного отбора. Магда же открыто осуждала и презирала мужа, называя предателем и убийцей, а сегодня в ссоре перешла все границы, бросив в лицо:

– Завтра ты убьешь своего сына!

Он ударил её по лицу наотмашь, и проорал:

– А, может, сегодня? Идиотка. Я мог давно это сделать, если б захотел!

Отто ушёл, хлопнув дверью, а теперь сидел в парке, нетерпеливо поглядывая на часы.

Сегодня был его день: наконец Отто решился на поступок, и эта решимость переполнила грудь радостью. Сомнений больше не было. Профессор взглянул на часы и поднялся: " Пора».

Аудитория встретила Отто Фримана аплодисментами. Отто помахал рукой, призывая людей к тишине, и начал речь:

Сейчас хочу приветствовать тех, кто впервые переступил порог этого дома, тех, кто скоро вольется в ряды нашего общества, давайте поаплодируем им!

Аудитория встала и дружно захлопала в ладоши.

Сегодня наше общество принимает двух новых членов. Прошу встать, чтобы мы могли видеть будущих единомышленников.

Двое молодых мужчин поднялись и склонились под приветственный гул Общества, а он продолжил:

– Каждый день мы принимаем новых людей, партия растет и крепнет. Мы совершим революцию во всем мире!!! Не будет перенаселения!! Да здравствует естественный отбор!!! – он сделал эффектную паузу.

– Я уже говорил о том, что каждый человек должен исполнить своё предназначение, то есть служение на благо общества. До 2040 года человечество на 40 процентов состояло из неизлечимо больных, слепых, глухих и с болезнью Дауна. В животном мире такие особи не выживают, там идет естественная отбраковка, так называемый отбор. Вместе с развитием цивилизации развивалась и медицина, люди научились продлевать на долгие годы неполноценное существование тех, кто должен был неминуемо погибнуть вследствие естественного отбора. И тут мы зашли в тупик, встав лицом к лицу с проблемой перенаселения, притом, что более половины людей – умственно отсталые и неизлечимо больные. Что мы получили? Большое количество людей отвлечено от полезных дел, ухаживая, продлевая их растительное существование. Ладно, ещё только это, но ведь часть умственно отсталых уродов ещё и плодятся стала – вопиющий факт! (В зале послышались одобрительные смешки и редкие хлопки) Они производят на свет отсталых потомков, причем плодятся быстрее нормальных людей. Между тем снижается процент здоровых граждан и это происходит обратно пропорционально росту уровня цивилизации. Я хочу вспомнить о Второй Мировой войне, когда уничтожались народы, которые Гитлер находил неполноценными: евреи, цыгане, славяне. Это было с его стороны не умно. Ведь это были вполне здоровые люди по сравнению с самим Гитлером. Теперь пришли к власти умные, здоровые и честные – я говорю о нас, цвете нации. Мы решим проблему перенаселения! И мы создадим новую Спарту!!!

Профессор сделал небольшую паузу, строго оглядел слушателей, и продолжал:

– В эпоху рационализма мы понимаем всю суть проблемы: так дальше продолжаться не может! Призываем вас, санитаров общества, избавить человечество от ненужного балласта. Возложенная на вас миссия благородна и тяжела, но видеть впереди абсолютно здоровое общество и знать, что в этом деле есть и доля вашего труда – это ли не прекрасно? Поэтому, дети мои, – здесь профессор широко обвел зал рукой, – идите, и с честью выполняйте свой долг! Знайте, здоровое человечество гордится вами!

Он сделал жест благословения. Стулья задвигались и санитары-стажеры, обмениваясь между собой впечатлениями, потянулись к выходу.

Молодой профессор спустился в бар пропустить рюмочку-другую и поболтать с посетителями. Санитары после лекции расслаблялись; впрочем, кроме того, спиртное развязывает язык – нет-нет, да и проболтается посетитель об очередном больном, которого родные укрывают – и тогда, жди гостей-санитаров.

За стойкой, на высоком табурете сидел давний приятель, полковник ВМФ Крис Ллойд, а для друзей просто Лоди, красавец и здоровяк. Лоди приветливо кивнул, широко улыбнулся и неожиданно подмигнул:

– Ну что, старина, снова о погоде поговорим?

– Да что говорить, всё, как триста лет назад: погоду на завтра абсолютно правильно узнаешь послезавтра.

Они пожали друг другу руки.

– Два виски, – Фриман положил на стойку купюру, которая в ту же секунду перешла к бармену Джейку.

– Как здоровье жены, Джейк?

Бармен сделал испуганный вид и быстро ответил:

– Поправляется.

Это была их постоянная шутка, в своем роде игра. Бармен женат не был, да и не собирався в ближайшее время, у него было в запасе целых шесть лет до тридцати пяти. Ну, а потом, хочешь, не хочешь, закон обязывает обзавестись женой и произвести на свет абсолютно здоровых детей. Только в случае бесплодия человек свободен от брачных уз.

В углу бара послышался шум: видно, кто-то сильно набрался. Отто наострил уши.

– Проклятая страна, тупой народ, вшивые ублюдки, – возмущался пьяный, – в этой уродливой стране предпочтут хилому ученому здоровяка, у которого ума, как у кузнечика в коленках. Сильная нация моральных уродов.

Профессор хлопнул по плечу Лоди, встал и направился к перебравшему мужчине. На вид тому было лет тридцать пять, оранжевая футболка плотно обтягивала сухое, поджарое тело; гладко выбритое лицо с большеватым носом было красным от возбуждения и количества выпитого. Отто приложил палец к губам и, показывая глазами влево-вправо, зашипел:

– Тс-с-с, приятель, здесь и у стен есть уши.

– Марк, – представился мужчина, – выпьем. – Официант, чистую рюмку, – потянулся за бутылкой.

– Отто, – назвал себя профессор, – я выпью, а вам хватит.

– Пусть я пьян, но напьюсь ещё больше, потому что жизнь превратилась в сплошной кошмар, вокруг одни доносчики и убийцы. Порядочному человеку нет места в этой сточной яме. – Язык у него заплетался, – Отто, признайтесь, кто вы – доносчик или убийца? – Марк залпом выпил рюмку водки.

Отто Фриман закурил; он улыбался, прикрывая глаза от удовольствия: собеседник нравился профессору, несмотря на то, что был сильно пьян и накачивался водкой всё больше и больше. В этом человеке было что-то, чего так не хватало Фриману, чего так не хватало современному обществу, поглощенному идеей рационального существования, основанной на превращении человека в неодушевленный предмет: старые и поломанные вещи сдают в утиль – вот основа идеи.

– Я – доносчик, – профессор с любопытством прищурил свои глаза неопределенного грязно-болотного цвета.

– Доносчик? Я не могу вас осуждать: кто молчит, видя все это – сам соучастник. Я не лучше вас, – Марк внезапно протрезвел, но одну за другой отправил в рот содержимое ещё двух рюмок, и замолчал. Его глаза налились кровью, ухватившись за стол, он попытался подняться, и не смог.

– Отто, помощь не требуется? – подвалил один из санитаров, держа в руке бутылку пива. Посетителей бара становилось всё больше, а воздуха всё меньше; гул толпы заглушал звуки музыки.

Фриман сделал отрицательный жест. Подозвав официанта, велел вызвать такси, после чего помог новому знакомому сесть в машину, а сам вернулся в бар к недопитой рюмке.

Становилось жарко: кондиционеры не справлялись. Отто достал из кармана брुक маленький блокнотик с ручкой и неторопливо записал подслушанный адрес, отыскав страничку с буквой «М», так, на всякий случай, чтобы не забыть, ведь он собирался ещё выпить.

Атмосфера внутри бара сгущалась от табачного дыма. Профессор расплатился, и вышел на ночную улицу. Огни огромного города растворили темноту, и только темно-синее, почти

черное небо с блеклыми, еле видными из-за городского смога, звездами, напоминало о том, что уже ночь.

Такси брать не стал, а неспешно двинулся по малолюдной улице, с наслаждением вдыхая прохладный воздух. Слабый туман дрожал над дорогой, делая её похожей на дорогу в ад. Призрачные всадники в фантастических шлемах и кожаных костюмах изредка проносились мимо на бесшумных мотоциклах последнего поколения. Все было нереальным.

Отто посмотрел на часы: два часа двадцать минут. Света в окнах нет, значит, Магда спит. Он тихонько отворил дверь, переобулся и, поднявшись по лестнице, заглянул в спальню жены. Та спала крепким сном: умаялась за день.

– Сейчас или никогда, – профессор Отто Фриман спустился в гостиную, открыл дверцу шкафа, за которой оказалась лесенка, ведущая в подвал. Из подвала лился мягкий свет, ведь десятилетний Дэвид боялся темноты, как и многие дети его возраста. Приоткрыв рот, сын похрапывал, и тягучая слюна застыла в уголке губы. Рядом с ним, на ковре лежала игрушечная лошадка; мебели не было, а стены помещения обиты искусственным мехом, чтобы ребенок не ушибся.

– Снится ли ему что-нибудь? – внезапно подумал отец. Надо было спешить, время приближало рассвет. Фриман достал из потайного шкафчика заветную коробку, вынул из нее ампулу с опиумом и шприц, наполнив который, подошел к мальчику.

Сын вдруг открыл глаза, бессмысленно и тупо посмотрел на отца и невнятно замычал:

– Дя-я-дя.

Отто взял слабую руку Дэвида.

– Сейчас или никогда, – большая доза опиума наполнила вену больного ребенка. Дэвид всхлипнул, дернулся и затих. Все было кончено.

Профессор поднялся в спальню жены. Та спала, свернувшись в клубочек, и выглядела беспомощной и беззащитной.

– После драки кулаками не машут, – цинично подумал Отто, и усмехнулся: поплачет, поплачет и успокоится. Теперь спать. Пройдя в свою комнату, включил свет и, зевая, стал раздеваться. Из брюк что-то выпало:

– А-а, записная книжка.

Фриман поднял её, открыл на страничке с адресами на букву «М», снял телефонную трубку и набрал номер:

– Хелло, Дикси! Диктую адресок для проверочки. Нагрянь пораньше. Пиши...

Рассвет, оранжевый и звонкий, вставал над сияющим городом. Отто Фриман, профессор истории и этнографии, закинув руку за голову, дышал спокойно и размеренно: лицо его было безмятежным. Он спал, как человек, выполнивший долг. На стене часы твердили считалку: тик-так, так-так. Всё было правильно.

Последствия большого взрыва

Фантастический рассказ

Детёныши пингвинов были повсюду. Один, самый маленький, мучительно трепыхался. Именно на него наступил Иван. Жора скорчил мину скорбящего, но тут же разинул пасть, обросшую по линии тонких губ, жесткой щетиной и, взяв детеныша за хвостик, целиком отправил в огромную черную дыру рта.

К моим ногам неуклюже ступая, подошел карликовый пингвин-подросток и, задрав кверху клюв, уставился прямо в лицо. Я подняла его на руки, ощутив живое тепло. Ладонью провела по спинке животного, еще и еще. Птенец зажмурился. Оттолкнувшись от грязной снежной поверхности, на многие метры покрывшей некогда зеленую планету, я медленно поплыла вверх, и остановилась лишь на высоте трех метров. Грязные горы снега были всюду, а между ними чернели тоннели, по которым двигались одинокие прохожие, те, что пережили катастрофу. Регулировщики, сидевшие в бочках, воткнутых в сугробы, крутили головами в ярко-красных беретах, бог знает, откуда взятых в такой неразберихе. Казалось, будто красные плоды растут прямо из серой массы. «Почему регулировщики вкопаны по шею?» – удивилась я, но потом вспомнила, что всю ночь шел чёрный снег.

Долетев до следующей площадки, увидела Монику, держащую в руках тарелку с нарезанной ветчиной.

– Что она делает здесь, в столь поздний час?

Зависнув над ее головой, удивлённо заметила сову, сидящую на большом параллелепипеде грязно-жёлтого льда.

– Мама, эта птица умеет петь!

Девушка включила неизвестно где откопанный Мп3 проигрыватель, болтающийся на ремне у пояса, и нажала кнопку. Послышались удары тарелок, затем мелодия. Сова наклонила голову вбок, прислушиваясь, несколько раз щелкнула, и неожиданно тонко и протяжно заухала в такт.

Дочка взяла с тарелки кусок ветчины. Птица, смолкнув, замерла в ожидании лакомства.

– Ну, что ж ты не дала ей петь? – укорила я.

– Легко тебе, мама, всё витаешь и витаешь, а я должна экономить энергию батареек. Это последние, потом останусь бродить в черном безмолвии. Может, в ста километрах от города идёт обычная жизнь?

– Не знаю. Мы оторваны от всего мира ядерной катастрофой. Жива я или нет? почему летаю, но по-другому не могу: в тоннеле задыхаюсь.

– А я? Как же я? Меня ты обрекла на вечную жизнь в тоннеле. Без света, в серой грязной мгле.

– Главное выжить первые дни: пепел осядет, и солнце растопит мглу. Где твой друг?

– Ищет меня и будет искать вечно.

– Грустно, когда жизнь состоит из игры в прятки.

– Грустно, – дочь покивала головой.

Я тихо поплыла прочь.

– Увидишь, скажи, пусть скорее ищет, а то, не ровен час, найдет другой.

– Скажу, если увижу, – последние два слова я произнесла тихо. Настолько тихо, что она уже не могла их слышать.

Чувство вины переполнило: почему она не умеет парить? Катастрофа непонятным образом пробудила во мне способность к левитации. Возможно, высший разум велит спасти дочь и ещё кого-то.

Я упорно отгоняла мысль о том, что обрекла собственную дочь, свою плоть и кровь на долгую гибель в лабиринте.

Вдалеке шёл человек в черном плаще до пят, будто из девятнадцатого века, и котелке. Лицо опущено, смотрит себе в ноги. Я устремила навстречу:

– Учитель!

Мужчина поднял голову.

– Ах, извините! Я не за того приняла вас.

– Ничего, бывает, – лицо незнакомца белое, как мел выделялось на сером фоне окружающего мира. – Как вы делаете это?

– Простите, что?

– Парите.

– Не знаю. Мое тело подчиняется желанию души.

– А выше можете подняться?

– Я бываю над облаками, но вверху слишком много проводов и я не всегда вижу их сквозь массу снега и пепла. Однажды я запуталась. Страшно.

– Правда, что там, в вышине светит солнце и небо чистое, голубое? – Он мечтательно зажмурился.

– Да, но воздух разрежен и очень холодно.

– Как же вы дышите?

– Недостатка воздуха я не ощущаю, но холод, холод пронизывает душу.

– Я бы умер, только бы на миг увидеть солнце, – он ссутулился и печально побрел дальше.

Ваня орудовал короткой лопаткой, счищая чёрный снег с остова автомобиля. Он помахал рукой. Я спустилась ниже и зависла в нескольких сантиметрах от ярко-желтой крыши.

– Готовлю на ночь логово. Похоже, я сильно удалился от Моники.

– Помогу найти. Здесь нет регулировщиков, как ты рискнул так далеко забраться?

– Нужен аккумулятор. Боюсь, не успею до ночи.

Я прикинула расстояние в уме. Мой полет проходил по прямой. А парень мог двигаться только по лабиринтам.

Тонкий визг резанул уши.

– Похоже, скулит собака. Отыщу и приведу. Вместе согреетесь и проспите до утра, потом доставлю к дочери. С каждым часом всё опаснее: зверьё из лесу ринулось в города, привлеченное мертвечиной.

– Моника одна?

– Пока, да. Ночь будет со мной.

Визг усиливался. Я поплыла на звук.

По траншее металась собака, грязный обрывок веревки на шее. Видимо некто привязал животное, надеясь сделать его пищей. Я опустилась на ноги в нескольких метрах и тихо заговорила, готовая в случае угрозы воспарить.

Собака, повизгивая, наклонила голову и, улыбнувшись, помахала хвостом.

– Пойдем, пойдем со мной.

Ваня обрадовался компании. Псина облизала парня, и они подружились. Вытащив из кармана несколько крекеров, я протянула другу дочери.

– Поделись с новым товарищем.

Пингвин постучал в мою грудь. Я растегнула пуговицы на куртке, и птенец выглянул наружу.

– Ого! – изумленно протянул юноша, – дичь. Пусть Моника сварит завтра бульон.

– Думать не смей! Это моя птица, мой питомец. Никто не отнимет.

– Как знаете. Только я не видел горячей еды с самой катастрофы, со времен Большого взрыва.

– И что? Ты умер? Болван.

– Я и не жил. С Большого взрыва.

– Все, кто остались, обречены. Только надежда на чудо питает людей.

Помахав рукой, я взлетела с одним желанием, успеть до наступления ночи.

Страшная тьма окутывала землю – ни звезд, ни Луны. Кому повезло откопать то, что может гореть, зажигали крохотные косточки, возле которых, заблудившиеся получали шанс на выживание.

Вокруг полная анархия: кто завладел оружием, тот выживет. Нужен сильный лидер и ядро, способное навести порядок.

Волки и медведи рыскали по лабиринтам, и я лишь надеялась, что Ваня успеет до ночи залечь в берлогу.

– День Сварога, говоришь? — Я усмехнулась в небо и воспарила выше, злясь на дрожащую душу. — Эпоха Волка. Вспомни!

Хочешь, небо в клеточку? Лайк.

Дети читают взрослые книги, а взрослые — «Незнайку на Луне», «Три толстяка», «Урфин Джюс и его деревянные солдаты». Урфин Джюс и три толстяка, а мы деревянные солдаты. Деревянные по уши.

Мы всё проспали. Проснулись, когда мир содрогнулся. Говорят, это космические пришельцы устроили. Концов не найти. Где-то идут звёздные войны, а нас чуток зацепило. Жахнуло не слабо.

Дочка махала рукой. Я приземлилась.

– Видела Ваню?

– Да. Далеко забрался. Если до утра доживёт, укажу путь по лабиринтам.

– Я тебе ветчины оставила.

– Хорошо. В пределах города мало пищи. Завтра-послезавтра отправлюсь на разведку. Ваня с тобой останется. Эх, была бы связь! Как думаешь, есть ли на планете место, где продолжается нормальная жизнь?

Дочка печально опустила глаза:

– Зачем? Ждать помощи?

– А что? Если есть не затронутые области, помощь будет.

– А если нет? Если вообще живых больше нигде нет?

– Ничего, как-нибудь. Снег стает, магазины мирного времени полны еды и чистой воды.

Для оставшихся надолго хватит.

– А сколько их?

– Немного.

– Сколько же трупов оттаит? Страшно.

– Не бойся трупов, кроме того, существуют волки, медведи и бродячие собаки.

– Только медведей нам не хватало. Скажи, сейчас ведь лето?

Я вытащила пингвина из-за пазухи, поставила на снег. Тот отряхнулся и прижался к моей ноге:

– Странно, почему в городе появились пингвины?

– Меня уже ничто не удивляет, — дочка, опустившись на корточки, погладила животное, — а наших кошек, похоже, съели. Бедные.

Третью ночь спали в верхнем этаже дома, где через выбитые взрывной волной окна, гулял ветер. Один проём удалось закрыть листом найденного железа. Часть паркета была цела и завалена отдельными кусками пола.

– Когда снег прекратится? — устало спросила дочка.

– Скоро.

– Угу. А завалит последний этаж, где спать будем?
– Хорошо, дорожки чистить успевают. В брошенных машинах ещё можно многое найти, особенно вдали от города. Не каждый отважится уйти из города.
– Уходить опасно.
– Придётся. Без еды не выжить.
– И без тепла. А там хищники бродят.
– Дикие собаки тоже не менее опасны. — Я складывала кучкой паркетин, — готово. Дай спички!

Дочка протянула зажигалку. Живой огонёк заплясал, осветив разрушенную комнату.
– Мам, как в блокаду выживали?
– Толя рассказывал.
– Он давно умер, повезло. Не видел того, что видим мы.
– Зато пережил другую блокаду. Девятьсот дней!
– Недели не прошло, а народ вымирает.
– Чёрный снег, чёрный день. Хотя бы сыпать перестало.
Дочка устроилась ночевать, положив на пол оторванную дверь. Я завалилась, как есть. Робкий свет будоражил веки. Проснулась и поняла: настоящий белый снег валил хлопьями. Рядом ахнула дочка:
– Мама, снег!
– Белый, белый.
– Скоро все кончится.
– Перестало бы сыпать. Тогда нескольких дней хватит подобраться к магазинам.
– Думаешь, нам еда достанется? — Дочка покачала головой, — А мародёры?
– На мародёров создадут отряды милиции.
– Не больно-то людей защищают. До взрыва недовольных в тюрьмы отправляли.
– Не путай мирное время с после ядерным.
– Анархия — мать порядка! — лицо дочки было серьёзным и решительным. — Где же Ванька, мой кавалер? Ну, что идём дорожки чистить? Заодно согреемся.

С десяток человек всюду орудовали лопатами. Ими руководил красавец лет сорока, с лицом, заросшим щетиной. Я невольно залюбовалась.

– Что рот раззявила? — Грубо сказал неопрятный старик, — бери лопату, старая!
– Заткнись, дядя Лёша, вовсе не старая, а женщина в расцвете лет, — усмехнулся красавец.

– Тебе, Егор, лишь зубоскалить. Тоже, дамский угодник выискался! Рядом, дочка, что ли? Держи её подальше от угодников.

– У меня есть парень! — Заявила Моника.

Егор усмехнулся:

– Пусть бережёт своё сокровище, а то, не ровен час.

– Заткнись! — Оборвал его дед, — Давай работай, нечего лодыря гонять. Господи, наконец, снег побелел, большая радость для всех, оставшихся в живых. Ещё немного и прояснится. Тогда начнётся самый аврал. К магазинам и складам бы подобраться, еды надолго хватит. Слышала, давеча медведя завалили? Толпа набежала, не успели оглянуться, остались «рожки да ножки» от косолапого.

– Сырым съели?

– У кого топор, у кого нож: разделали, ахнуть не успел. Моя бабка сторожит мясо в квартире. Прикинь, мебель на дрова разломали. Вот-вот паркет разбирать станем. А вот и Маня.

Женщина лет сорока в куртке и тёплых штанах деловито вручила нам лопаты:

– Работаем до изнеможения, потом перерыв.

Мы вгрызались в снег, не щадя сил. Под небольшим белым слоем, снег походил на замороженную сажу. В одном месте появились окна первого этажа. Задыхаясь, я воткнула лопату в сугроб:

– Всё, хватит!

– Быстро выдохлась, молодуха! — Егор хохотнул, — какие мы немощные.

– У меня дела! За парнем слетать, а то потеряется.

– У тебя пропеллер в заднице? — Дед Лёша хмыкнул, — слетай, а мы поглядим, как это делаешь.

– Дед, за дочурой присмотри!

– Ладно, пусть работает, а устанет, пойдем ко мне мясо кушать.

– Куда к тебе?

Дед показал на наш дом:

– Вишь, тропка проложена наверх? Вон то окно!

– А наше окно рядом. Мы соседи.

– Славно, — сказал старик. — Знаешь, и ты с парнем приходи, старуха бульон сварит из медвежатины.

– Очень хорошо, а то Ваня хотел моего питомца на суп.

– Кошку?

– Пингвина.

– Это, верно, не хуже курицы.

– Я не для того его спасала от людей-хищников!

– Ладно, не кипятись. Как зовут?

– Маргарита. Дочку, Моника.

– Я, Лёша, а мою жену звать Соня.

– Мама, поспеши, стемнеет.

Я воспарила. Внизу запрокинутые лица, и у каждого в руке лопата.

– И где пропеллер? — Пробормотала, кидая ещё один взгляд на людей, но задержала на Егоре. — М-да, мужчина определённо чем-то нравится.

Много ли времени прошло после взрыва? Казалось, теперь жизнь превратится в примитивное выживание, примитивное размножение. Но нет, всего только снег стал белее, а я уже обратила внимание на красивого мужчину. Кто это замурлыкал моим голосом? Я — пою!

Ветер свистел в ушах, обветривая лицо. Я не парила, а мчалась, подобно вихрю:

– Ветер, ветер, мы с тобой едины! — Откуда это? — Ах, да, «Дракула»!

Телевизоры, компьютеры, видео. Зато теперь паркетом топим квартиру. Без печки, костёр прямо на полу. А где цивилизация? Большой взрыв накрыл цивилизацию. Скоро люди забудут о компьютерах и прочих благах.

Полёт освобождает голову для невесёлых мыслей. Ах, я лечу, но завидовать нечему. Левитация, о ней много писали до взрыва, но теперь я левитирую, а мне не верят.

– Э-э-эй! — Ваня отчаянно размахивал руками, пытаясь привлечь внимание.

– Чуть не пролетела, — смущённо сказала я, — задумалась.

– Ладно. Как Моника?

– Ждёт. На, вот, подкрепись! — Ваня жадно схватил кусок ветчины и крекер. — Где псинка?

– Бегает. Может быть, охотится.

– Посвести, или уж пойдём?

– Фенька, Фенька!

– Что за кличка для собаки?

– Во-первых: это самка, во-вторых: из тех кличек, что перебрал, отзывается на Феньку. Ещё вопросы? Фенька, Фенька! Немного подождём и в путь.

– Угу. Есть, что заставит мчаться вприпрыжку.
– Заинтриговали.
– Нас пригласили на бульон из медвежатины.
– Так-так, — Ваня подозрительно метнул суровый взгляд исподлобья, — молодой и красивый?

– Старый и сивый, как мерин, к тому женат.
– Кх, — облегченный выдох, — бульон? Этот факт заставит бежать всю дорогу. Фенька, чёрт возьми, жду ещё пять минут и адъё!
– Похоже, собачка стала добычей.

Только сказала, как невесть откуда нарисовалась знакомая дворняжка, неся в зубах сороку. Птицу, как водится, к ногам хозяина, улыбочка во всю пасть.

– Молодец, Фенечка! — ласковое потрёпывание по холке, и собачий восторг.

– И мы не с пустыми руками в гости! Все в сборе!

Я, вместо ответа, взлетела. Метрах в пятистах — волчья стая.

– Волки!

Ваня метнулся, собака следом. Стая приближалась с огромной скоростью. Я поднялась выше, ища спасения: на сотни метров, никого. Метрах в семидесяти параллельная траншея, но туда не добратся, ни волкам, ни людям — слишком высок чёрный снег по краям. Сбавила высоту.

– Что? — Спросил молодой человек, — кранты?

– Типа того. Есть идея: тебя давно на руках носили?

– Никогда.

– Есть возможность. Будешь потом вспоминать.

– Несерьёзно.

– Другие варианты?

Ваня отчаянно покрутил головой:

– Знаете, сколько я вешу? До взрыва семьдесят семь, теперь где-то семьдесят.

– О, сущий пустяк! Тем более волки уже в четверти километра.

Я приземлилась рядом с парнем.

– А Фенька?

– Ещё двадцать кило. Успею — вернусь, нет — пусть инстинкт спасает. Обними меня за шею.

Я подхватила Ваню подмышки и с трудом оторвалась от земли. В обычной ситуации эта затея вряд ли бы удалась. Опасность придала сил. Высоко взмыть не получилось: но двух метров оказалось достаточно. Через несколько минут я поставила парня на дно другой траншеи и вернулась. Фенька металась по дорожке, отчаянно визжа. Волки совсем близко. Сходу спикировав, сграбастала собаку, и поднялась значительно выше, чем в предыдущий полёт.

– Двадцать не семьдесят! — Торжествующе закричала волкам, — нате, выкусите!

Вожак подпрыгнул, но где там. Уселся, глядя вверх, язык висит розовой тряпкой.

Фенька, радостно облизала хозяина, благодарно глядя на меня.

– Незнакомый лабиринт, — сказал Ваня.

– Город близко, найдём.

– Вообще-то мы в городе, только на окраине.

– Теперь это загород: ни людей, ни регулировщиков. Мёртвая зона. Идём, время не ждёт. Город в той стороне.

– Центр?

– Именно.

– Летите?

– Нет, пройдуся ногами. А то крылья вырастут, ноги отвалятся.

Ваня засмеялся.

– Интересно, где мы находимся?

– Бывший район Старой Деревни.

– Навигатор?

– Угу. Здесь — я постучала себе по лбу, — третий глаз.

Ваня хмыкнул, и промолчал.

– Ровчик по Дибуновской. Вдали крыши пятиэтажек: нижние этажи под снегом. А от двенадцати этажей осталось поболее.

– Значит, идём по Дибуновской?

– Да. Я жила на этой улице в прошлой жизни.

– Если дорожка прямо в центр, будем через три часа.

– Надеюсь. Заметил?

– Что?

– Снег белый.

– Трудно не заметить. Ещё бы перестал.

– Да. Ваня, как считаешь, если снег перестанет, всё стает и продолжится лето?

– Слишком хорошо, чтобы стать правдой.

– Значит, зима надолго.

– Ядерная зима, — Ваня тяжело вздохнул, — многие не выживут.

– Ладно, ты печаль не разводи. Зачем далеко уходил? — Я кивнула на тряпичную сумку, которую парень не выпускал из рук.

Ваня вынул топорик, складной нож, фонарик, упаковку из трёх пальчиковых батареек, два коробка спичек.

– О, неплохой улов!

– И ещё, — он расстегнул молнию на куртке и из потайного кармана достал пачку леденцов, — гостинец для любимой.

– Славно. А чего-нибудь существенного?

– Что в машинах? Орешки, сухарики — сам съел. Хотел приберечь, но по штучке, по штучке... Топор бы нормальный, а не этот.

– Топор? Паркет разбирать топор не нужен. А квартир, где никого, много. И почти везде паркет, мебелишка какая-то.

– И мы не одни такие умные. Топорик всё-таки оружие. В одной тачке ружьё охотничье, но патронов нема.

– Тогда и говорить не о чем. Ну вот, с разговором подошли к Черной речке, — Указала пальцем вверх на табличку, с тонким скрипом качающуюся на ветру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.